

И мужская, и женская сторона посетили чужие дома. Перед концом года две семьи назначили дату на двенадцатый день первого месяца.

До и после Нового года были самыми расслабляющими днями для всех. После того, как они были заняты с начала и до конца года, пришло время сделать перерыв на несколько дней.

Однако семья Чжао не могла расслабиться. Примерно через десять дней Чжао Нань должен был жениться. Из-за подготовки выкупа за невесту и свадебного банкета вся семья была слишком занята, никакого времени для отдыха.

Цзян Жуй тоже не могла успокоиться. Кроликов дома приходилось каждый день кормить свежей травой. Зимой сорняков было меньше, поэтому в это время ей приходилось больше бегать, чтобы накормить кроликов. Более того после того, как она выйдет замуж, об этих кроликах придется заботиться остальным членам семьи Ду. Ду Баочжэнь нужно было идти в школу, а для Ду Юфу и Ду Баоцяна не было необходимости в словах. Что касается Ван Тунхуа, то ей приходилось работать на ферме, когда хозяйство становилось загруженным. Излишне говорить, что кроликов можно было передать только Чжан Сяохуа.

Несколько дней назад Цзян Жуй уже начала обучать ее некоторым общим знаниям и табу по кормлению кроликов, а также тому, как стричь, как ухаживать за новорожденными и так далее.

Изначально Ван Тунхуа радовалась только тому, что вышла замуж за члена семьи Чжао, но теперь, наблюдая, как она каждый день занимается семейными делами, она внезапно поняла, что ее дочь собирается покинуть ее, и радость была немного кислой.

Это настроение постепенно повлияло на остальных членов семьи Ду. После приезда семьи Чжао Цзян Жуй той ночью лежала на кровати, и Ду Баочжэнь внезапно спросил ее:

— Сестра после того, как ты выйдешь замуж, я не смогу часто навещать тебя?

Цзян Жуй ответила: — Если я буду дома, ты, конечно, можешь навестить меня, но в будущем мне, возможно, придется последовать за Чжао Нанем в армию.

— Ты будешь в армии? — Ду Баочжэнь была удивлена: — Значит ли это, что ты можешь возвращаться только раз в год?

— Так я слышала.

Ду Баочжэнь некоторое время молчала, затем мрачно сказала: — Я не хочу, чтобы ты выходила замуж.

Цзян Жуй улыбнулась: — Даже если я не выйду замуж, когда ты поступишь в университет, мы сможем видеться только один или два раза в год. Не так ли?

Услышав это, Ду Баочжэнь внезапно почувствовала себя немного потерянной. Учиться в университете в отдаленном месте в одиночестве и вдали от своей семьи. Было ли это правильным выбором? Но когда она подумала о письмах в ящике стола, ее потрясенное сердце постепенно укрепились, она была не одна, кто-то ждал ее.

На следующий день был канун Нового года. Какими бы бедными ни были люди, в этот день они изо всех сил старались приготовить лучшее блюдо, чтобы угостить всю семью.

После ужина Ван Тунхуа и Ду Юфу подарили Сяо Шаньчжэ красный конверт, чтобы поприветствовать новый год. Может, в нем и не было много денег, но в нем была любовь и привязанность старших к молодому поколению.

В канун Нового года семья болтала за столом. Вскоре после этого Сяо Шаньчжэ заснула первой, и Чжан Сяохуа отнесла ее обратно в комнату. Остальные люди немного посидели, затем Ван Тунхуа захотелось спать, и она больше не могла этого выносить. Когда она встала, все остальные тоже вернулись в комнату.

Цзян Жуй осталась, чтобы убрать со стола. Она собрала недоеденные семена дыни в тарелку, отнесла их на кухню и убрала в шкаф, чтобы ночью их не съели мыши.

Когда она вышла из кухни, то выглянула наружу и увидела темную фигуру, стоящую у невысокого каменного забора. Она была слегка поражена, а когда ясно увидела, кто это был, потеряла дар речи. Она подошла к нему и спросила:

— Почему ты стоишь здесь один? Ты меня напугал.

— Ты собираешься спать? — спросил ее Чжао Нань.

— Да. Семья уже вернулась в свои комнаты. Я собираюсь лечь спать после того, как закончу уборку. Если бы я не взглянула прямо сейчас, как долго ты собирался стоять здесь один?

— Я только что пришел, — оправдался Чжао Нань, хотя это звучало не очень правдоподобно.

Цзян Жуй не стала опровергать, а просто протянула руку и погладила его пальто. Оно было прохладным и влажным, и не было похоже, что он только что пришел. Она молча посмотрела на Чжао Наня.

Чжао Нань несколько секунд смотрел на нее, затем отвел глаза:

— ... Прошло полчаса.

— Если ты простудишься, завтра, в первый день нового года, у тебя будет болеть голова, и тетя Чжан обязательно будет тебя пилить, — беспомощно сказала Цзян Жуй, но как только она закончила говорить, протянула руку: — Обними меня.

— Что? — Чжао Нань на мгновение остолбенел, и кровь от всего его тела прилила к голове.

Цзян Жуй посмотрел на него и сказал слово в слово: — Я просил тебя обнять меня и помочь перелезть через забор. Моя семья все еще не спит. Если открыть дверь во двор, они обязательно узнают.

Каменный забор семьи Ду был всего в половину роста человека. Цзян Жуй могла легко перелезть через него в одиночку, но это приходилось делать обеими руками и ногами, и это было совсем не элегантно. Здесь был готовый помощник, почему бы им не воспользоваться?

Только тогда Чжао Нань понял, что он неправильно понял. Несмотря на это, он немного помолчал, прежде чем медленно протянуть руку.

Цзян Жуй вложила свою руку в его ладонь. Две руки, одна большая и грубая с теплой ладонью, другая маленькая и нежная, немного холодная, возможно, из-за ветреной ночи.

Чжао Нань напряженно сжал ладони.

Цзян Жуй с его помощью взобралась на каменный забор, а затем спрыгнула со стены.

После прыжка эти двое оказались немного близко друг к другу, всего на расстоянии половины вытянутой руки между их телами.

Чжао Нань напрягся, но, похоже, не собирался отступить или отпустить ее руку.

Цзян Жуй, казалось, забыла об этом, сохраняя позу рукопожатия лицом к лицу, она подняла голову, чтобы посмотреть на него, и вдруг лукаво улыбнулась:

— Скажи, в драме древних времен молодая леди тайком вышла из дома и встретила наедине со своим возлюбленным, это то же самое, что и мы сейчас?

— Не говори глупостей, — Чжао Нань заставил себя успокоиться, его ушные раковины начали гореть.

Цзян Жуй мягко улыбнулась и сказала: — Ты не сказал мне, зачем искал меня.

Если бы она не упомянула об этом, Чжао Нань почти забыл бы о цели своего прихода сюда. Он отпустил руку, которая держала ее, и достал из кармана красный конверт.

— Что это?

— Новогодние деньги, — Чжао Нань вложил ей в руку красный конверт.

Цзян Жуй подняла брови, взяла красный конверт и, не открывая его, медленно произнесла:

— Только старейшины будут дарить молодому поколению новогодние деньги. Какой ты для меня старейшина? Могло ли это быть... — Она растянула последний слог и вдруг ласково позвала: — Дядя?

Чжао Нань сильно закашлялся.

Цзян Жуй прикрыла рот рукой, дрожа от смеха.

Ему удалось прийти в себя только через некоторое время, и он хотел сделать вытянутое лицо, но, глядя в ее улыбающиеся глаза, его лицо напряглось меньше чем на секунду, и, в конце концов, он почувствовал себя немного беспомощным:

— ... ты снова несешь чушь.

По какой-то причине, когда старейшины упоминали ее, они всегда говорили, что она была хорошо воспитанной и застенчивой. Судя по тем немногим разам, когда он видел ее, она действительно была такой в присутствии посторонних. Но всякий раз, когда они оставались наедине, он видел другую ее сторону – очаровательную и трогательную, ту ее сторону, от которой он вообще не мог отказаться.

Хотя каждый раз он был вынужден быть в растерянности и не мог говорить, его это не напрягало, и он ничего не мог с собой поделать, но всегда хотел найти ее. Ощущение сладости, смешанное с огорчением, вызывало привыкание.

Как и в этот раз, он видел ее только вчера, но после ужина в честь воссоединения сегодня вечером он нашел предлог, чтобы уйти из дома. Расхаживая в темноте, казалось бы, бесцельно, но все же неосознанно, он направился к ее двору.

Но если приход сюда действительно не входил в его первоначальные намерения, как он мог объяснить красный конверт в своем кармане, который был приготовлен ранее?

— О чем ты думаешь?

Слова Цзян Жуй прервали его размышления. Чжао Нань покачал головой и спросил ее:

— Тебе холодно?

— Только что было немного холодно, но теперь есть кому согреть мои руки, я больше не чувствую холода, — она убрала руку, которую держал Чжао Нань, и поцарапала его ладонь кончиками пальцев.

Большая ладонь, обхватившая ее руку, задрожала, но вместо того, чтобы ослабить хватку, сжала крепче, и никто больше не произнес ни слова.

Через некоторое время подул порыв ночного ветра, и Чжао Нань, испугавшись, что она простудится, отпустил ее обратно.

Снова взяв его за руку, Цзян Жуй выскочила обратно во двор. Перед уходом она обернулась и помахала ему рукой:

— Дядя, с Новым годом.

Договорив, удовлетворенная тем, что увидела его фигуру, пошатывающуюся в темноте, она прикрыла рот рукой и убежала.

В комнате Ду Баочжэнь уже лежала, и, услышав шаги, когда она возвращалась в комнату, она смущенно спросила:

— Сестра, где ты была?

— Снаружи большой тигр. Я немного поговорила с ним, — ответила Цзян Жуй легким тоном.

Ду Баочжэнь по ошибке услышала про большую мышь (Т / П: по-китайски тигр и мышь звучат одинаково), пробормотала, что сестра действительно храбрая, перевернулась и снова заснула.

Цзян Жуй открыла красный конверт, который дал ей Чжао Нань, и взглянула на него в тусклом свете. Внутри была большая записка, и можно сказать, что он был очень щедр. Ей пришлось полгода стричь кроличьи меха, чтобы заработать столько, называть его «дядей» стоило того.